

Работа прежде всего

Из истории ГТРК «Волга»

Продолжаем публиковать воспоминания Дианы Шпоркиной о работе на Ульяновском областном телевидении. В этих мемуарах оживают лица звёзд ульяновского ТВ, когда оно только зарождалось и начинало набирать силу.

А почему тебя не видно?

В Кисловодске у нас не было телевизора, а здесь, в Ульяновске, папа первым делом взял кредит и приобрёл. Он уже работал на телевидении и был в курсе всех передач. Первым, кого я увидела на экране, был диктор Александр Каменщиков. Я смотрела на него с благоговейным трепетом. Диктор в то время – небожитель, но он также был копией мальчика, который мне очень нравился в школьные годы. Не успев подружиться с ним, я уехала с родителями из Кисловодска и навсегда похоронила свою симпатию. И вот теперь она возродилась в солидном, спокойном и уверенном мужчине. Долго потом, встречая его в коридоре студии, я не могла отделаться от этого восхищения. Александр Фёдорович оказался простым, доброжелательным человеком. Ореол звёздности, витающего над дикторами и актёрами кино, у него не было. Всегда собранный, уравновешенный и подтянутый, этот человек вызывал только уважение. К тому же его героическое прошлое, служба в течение пяти лет на подводном флоте возвышали его в глазах окружающих. Мужественный человек, что ни говори.

В 1969 году все передачи, любого жанра, кроме спектаклей, вели дикторы. Доверить текст, прошедший строгую цензуру и заверенный несколькими подписями, не могли никому, кроме специально подготовленных людей. Даже журналисты, которые тогда назывались редакторами и отвечали головой за каждое слово в эфире, не имели права вести передачу. Кроме знания текста,

требовалась чёткая дикция, приятный голос и внешность, а также память, реакция, эрудиция, актёрские навыки.

Дикторы были даже выше «второго этажа» карьерной лестницы на телевидении. Особая и почитаемая каста – лицо области.

В первое моё дежурство, когда весь вечер отвечаешь за порядок и прохождение материалов без накладок, в студию вошла милостивая женщина с косой на голове, уложенной в виде короны. Она поздоровалась со всеми и величественно села в кресло диктора, как на трон.

– У нас новенькие? – с улыбкой произнесла она. – Как зовут?

– Диана.

– Какое красивое имя. Нравится тебе тут?

– Очень! – Я улыбнулась в ответ.

– Вот и я никак не могу уйти отсюда. Как мёдом намазано. Ты, девочка, потом убедишься, что так оно и есть. На вышке магнитные волны людей притягивают и не отпускают по доброй воле.

Она была права, но отчасти. Вышка притягивала людей телевизионных профессий: режиссёров, их ассистентов и помощников, операторов, дикторов, то есть постановочный цех – так он назывался.

Все они знали, что на телевидении главное – картинка, а не текст. Изображение сильнее слова. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Журналисты предпочитали работу со словом, а писать можно было где угодно: в газете, журнале, на радио. Телевизионная журналистика тогда ещё только формировалась как особый раздел,

За камерой
Игорь Слосман, Исаак Гольдман

Диана Шпоркина

Исаак Гольдман, Александр Тихонов,
Римма Шепелькова
и Александр Быстров

Режиссёр Юрий Ершов

Сцена из капустника

Диктор Александр Тихонов

где нужно было не только писать, но и думать о том, что в это время будет на экране. Именно среди редакторов и была основная текучка кадров. Они не особенно держались за телевидение, поэтому «магнитный иммунитет» у них был ослаблен.

Всё это я поняла потом, когда прошла половину пути, а пока была горда, что меня приветствовала диктор Зинаида Аверина. Она была приходящей, поскольку работала преподавателем в фармучилище. Имела научную степень, а здесь помогала на дежурствах. Нужно было объявить каждый фильм или передачу по всей программе вечера: «А сейчас посмотрите то-то... сегодня в студии те-то...»

Чаще всех к нам спускалась со своего Олимпа Римма Шепелькова. Хорошенькая, с ямочками на щеках, энергичная и веселая, она была душой студии. И не только студии. Римму, конечно, знала вся область в лицо, что неудивительно.

Экран имеет свойство передавать энергетику зрителям. А Римма была не только прекрасным диктором, поскольку имела отличную память, умела расположить и успокоить любого выступающего, сама могла писать тексты и придумывать передачи, но и просто обаятельной женщиной с хорошей фигуркой, которую умело упаковывала в самые модные наряды. Дикторам полагались определенные костюмы из студийного бюджета, но Римма сама шила и всегда была на гребне моды.

Жизнь кипела именно здесь, а не в масштабах города. Мне тог-

да много приходилось ездить по библиотекам, архивам, организациям, разыскивая материал для передач, — это тоже входило в обязанности помощника режиссёра. Столько знакомств, встреч и разговоров переживала за неделю, сколько сейчас, наверное, за полгода. И всегда при знакомстве происходил подобный разговор.

«Вы такая молоденькая и на телевидении работаете? А почему я вас там не вижу?»

Я, конечно, не могла каждому объяснять, что на экране никого не видно, кроме дикторов.

Однажды в студии дежурили, как обычно, оператор, диктор и помощник. Если передач не было, то этой троицы было достаточно. За пультом ассистент режиссёра. Оператор поставил камеру на диктора, который должен был объявлять программу и отошел к другой камере, чтобы настроить её на титры со штатива. У диктора загорелся огонёк — знак, что он в эфире. Начинает читать, и вдруг камера самопроизвольно поднимается на штативе вверх. Краем глаза диктор видит на мониторе, что исчез из кадра стол с бумагами, а затем не видны и пуговицы на пиджаке. Камера ползёт всё выше, и уже кадр почти до плеч. Чтобы спасти ситуацию, не переставая читать, диктор начал тихонько подниматься с кресла. А камера продолжает двигаться, и текст, на беду, не кончается. Почти стоя в полный рост и уже приготовившись влезть на стул, он наконец закончил читать.

Камера выключилась. Раздался всеобщий стон облегчения. Только не у диктора. Шоковое состояние у него длилось долго, по-

скольку первый раз ему пришлось читать, смотреть, вставать и следить за камерой — одновременно.

Когда у нас появился Саша Тихонов, а он приехал из Саратова, ему было тридцать с небольшим, но выглядел он совсем юным. Улыбчивый, вежливый, Александр сразу влился в коллектив. У него было актёрское образование. Голос поставленный, правильная речь. Жил он один, но всегда следил за собой.

Вначале он, как и все, прошел пробу в «Новостях». Эта программа была школой для всех новичков, независимо от должности. И здесь Тихонов чувствовал себя уверенно, потому что успел поработать на Саратовском телевидении. Вскоре его стали занимать во всех передачах. У них получился прекрасный дуэт с Риммой Шепельковой. Оба легко адаптировались в любой обстановке, были дружелюбны и обаятельны, моментально привлекали внимание всей аудитории.

Когда мы делали капустники (их готовили к каждому празднику или в подарок очередному юбиляру), проявлялось актёрское прошлое Саши, тут ему не было равных. На сохранившихся фотографиях Александр то Баба-яга, то мальчик из детского сада, то пират на корабле — в зависимости от роли в сценарии.

Карьера диктора, к сожалению, зависит от возраста. Лицо, память, реакция, дикция — это рабочие инструменты диктора. Когда теряется хоть один из них, карьера заканчивается. Место Риммы, которая ушла в редакторы, заняла Людмила Терехина, выдержав конкурс. Отбирали стро-

ВГТРК, 1980-е

Людмила Бортюк (справа)

Владислав Витковский

Юрий Старостин

го. Выбор оказался удачным, поскольку Людмила Терехина проработала очень большой срок, практически до тех пор, пока эта должность тихо сошла на нет, а на экране появились журналисты и ведущие всех мастей.

Но тогда ещё нужен был человек, который мог быть лицом области во всех смыслах. Людмила обладала феноменальной памятью. Она могла без подготовки, прочитав один раз текст, выдать его тут же без помарок. Подвижная и энергичная, она везде вставляла, как говорят, свои пять копеек. Даже в «Новостях», по сути единственной передаче, оставленной для дикторов, где был категорический запрет на самовольные поправки к тексту, Людмила умудрялась что-то подправить. За это её часто журнили на летучках, но прощали. Здесь она встретила своего будущего мужа и стала носить фамилию Ляшенко.

Люда и сама делала передачи, вела различные городские мероприятия и участвовала не только в жизни студии, но и города и области.

Когда уходил Александр Каменщиков, опять был объявлен конкурс. На этот раз его прошла Елена Старостина. Она приехала из Волгограда. Темноволосая, миловидная девушка с чуть раскосыми глазами приглянулась нашему строгому жюри. Тихонов взял, как и положено, шефство над ней и стал воспитывать. Но это уже было время, когда не было к дикторам такого пристального внимания. Всё чаще сами редакторы вели свои передачи, а дикторов приглашали для

чтения наиболее сложных, повествовательных и художественных текстов.

Долгое время пытался к нам перейти радиный диктор Влад Витковский – симпатичный молодой человек с бархатым голосом.

Радиных дикторов было двое: Борис Трутнев и Валентина Протасова. Когда Борис вышел на пенсию, его место занял Владислав. Молодому парню было тесно в рамках радио. К тому же он не раз подменял дикторов на ТВ. Но тогдашний председатель комитета Юрий Наумович Гражданцев никак не допускал его до эфира. На правах главного режиссёра я пыталась несколько раз его уговорить, но в ответ слышала фразу: «Подождите. Не время». Сколько ни пыталась её расшифровать – безрезультатно. Как-то, не выдержав, потребовала, чтобы Юрий Наумович объяснил сакраментальную фразу, и в ответ услышала: «Он слишком молодо выглядит». Пыталась ему напомнить, что молодость – это недостаток, который быстро проходит, но Гражданцев был неумолим.

Смена председателя позволила Владу заняться любимым делом. Сейчас он единственный из плеяды дикторов, кто остался на телевидении.

Нам видно всё...

Умер Юра Старостин... Еще один яркий человек из моего телевизионного прошлого. А я не хотела говорить о грустном, думала, что с прошлым нужно расставаться легко. Но как можно

примириться со смертью такого активного человека, такой неординарной личности?

Я помню, как он появился на студии. Совсем мальчишка, с внешностью голливудских звёзд. На мужественном лице – глаза с красивыми, как у девушки, ресницами. Но это не умяло уверенного мужского взгляда, разве что делало мягче. Вполне мужественные дела и поступки только подчёркивали эти внешние признаки красоты. Юра надолго занял в женских сердцах одно из первых мест на пьедестале.

Он пришёл в операторскую группу. Тогда телевизионные журналисты и операторы киносъёмок имели разные помещения, планы работ и даже специфику. За короткое время Юра стал одним из самых востребованных телеоператоров. Я думаю, этой профессии, как и режиссёрской, научить невозможно. Вполне согласна с М. Роммом, что можно научить ремеслу, помочь освоить технику, но видеть среди массы окружающих кадров тот, который наиболее точно подчёркнет заданную мысль и представит её в самом выигрышном свете, дано далеко не каждому. И ещё инициатива. Когда оператор предлагает кадр – это одно, когда он послушно выполняет задание режиссёра – это другое: нужное, но ниже по рангу.

Юра всегда был на высоте. И всегда в работе. Самые сложные передачи без него не снимались, режиссёры и даже ассистенты, что с ним дружили, тоже просили на передачу только его.

Но, видимо, тесно ему стало в операторских рамках, и он задумался

мал снимать передачу о вокально-инструментальном ансамбле «Горожане». Однажды он поймал меня в коридоре и, как будто всё было решено, сказал: «Нужны стихи для 6–7 песен. Тебе неделя. Музыку напишет Максимов (руководитель ВИА). «Но...» – хотела было я возразить. «Через неделю», – жестом остановил меня Юра.

Сейчас многие обвиняют его в жёсткости, но, проработав полжизни режиссёром, я поняла, что только так можно заставить работать на себя самый разный люд: операторов, ассистентов, звуко-режиссёров, художников. Ты их озадачиваешь, но и отвечаешь за всё – тоже ты.

Отказать Старостину я не могла, потому что сама не слышала от него отказа ни в одной моей просьбе.

Через неделю, получив от меня текст, он уже заказывал ПТС. Передвижная станция в ту пору была очень громоздким сооружением, но единственно возможным для выезда и съёмок за пределами студии.

Ей к тому же необходим был источник энергии.

Юра «запитал» её на столбах в парке «Сорок лет комсомолу» и кабели протянул на берег Волги. Это была, пожалуй, одна из первых передач, снятая на телекамеры, где на фоне красивых волжских пейзажей «Горожане» пели свои собственные песни. И было совершенно не важно, что я получила за гору стихов три копейки, ведь все остальные, включая Старостина, работали только за интерес.

И в этом был весь Юра, одержимый идеей сделать что-то необычное и похожее на работу центральных студий.

С появлением цвета Старостин один из первых стал экспериментировать с ним в студии. Дали нам, с барского плеча ВГТРК, «Хромакей» (совмещение двух или нескольких изображений в одной композиции), и мы всю студию затянули синим «задником». Самые любопытные решили его использовать. Я вознамерилась поставить сказку со множеством превращений из ябло-

ни в печь, из яйца в птицу и т. д. Кто, кроме Юры, мог за это взяться? Технология была ещё не отработана, время ограничено, и я (за пультом), и Юра (внизу с камерой и светом) выбивались из сил, но... дело двигалось очень медленно. Весь день, практически без перерыва, он упрямо ставил свет, чтобы картинка не рвалась и соответствовала замыслу. Я уже плакала от усталости, а он ещё находил слова сочувствия и подбадривал меня словами: «Всё равно сделаем». И сделали. Сейчас, когда некоторые обвиняют Юру в том, что у него ничего из задуманного не получилось, мне больно это слышать, потому что прошёл первым и многое ему удалось.

Операторская группа в разное время менялась по численности, но в среднем в ней было не менее 11 человек. Кинооператоры жили особняком. Киносъемок было не так много, как телепередач, но это был особый мир: с проявочной, монтажной и просмотровым залом. Лимит плёнки был ограничен и строго регулировался администрацией. На съёмку долгое время выезжали только с режиссёром.

Когда меня повысили рангом и я стала ассистентом режиссёра, то из литдрамы пришлось пойти в промышленную редакцию. Естественно, что в ней вся передача строилась на киноряде, а в студии сидели только выступающие – обычно представители предприятий.

Текст строго проверялся, было много запретов не только на съёмки каких-то объектов, но даже их названия не могли звучать в эфире. Кинооператоры были очень опытными людьми, потому что работали по многу лет и знали все ходы-выходы на заводах, стройках и сельхозобъектах.

Володя Тихонов, Марс Хайруллин, Толя Проничев, Толя Антончик, Валерий Семёнов, Борис Тельнов, Николай Егоров, Анатолий Горшков – кинооператоры, без которых телевидение было бы просто невозможно. Они проводили свою жизнь на колёсах, в командировках. Охват новостями и рассказами был огромный – вся область, до самых её границ.

Режиссёр Анатолий Ивлёв снимал только фильмы, за это его очень уважали в коллективе, поскольку фильмы котиrowались выше передач, которые невозможно было сохранить, а фильм – это уже летопись.

Один из важнейших этапов – проявка плёнки. От квалификации человека зависел успех создания фильма. Костю, который здесь работал, операторы очень ценили. Говорили, что он – гений проявки.

Собирали фильм в монтажной, где работали только женщины. Плёнка требовала нежных рук. Режиссёру, чтобы просмотреть материал, нужно было одевать специальные очки-лупы, которые увеличивали настолько, чтобы можно было свободно рассмотреть изображение.

Я не очень любила киносюжеты, поскольку качество самой плёнки, её ограниченность и неживое изображение уступали телевизионным. Но это была единственная возможность выбраться за пределы студии, пока не появилась передвижная телевизионная станция (ПТС), оснащённая четырьмя телекамерами. Правда, для ПТС требовалось мощное подключение электроэнергии.

Телевизионные операторы тоже получили возможность выезжать на различные объекты. Вскоре ПТС вытеснила кино, поскольку качество изображения и возможность сиюминутного участия в событии заставили кинопроизводство сдать свои позиции.

Телеоператоры вышли на первый план. Мы, режиссёры и ассистенты, были этому рады, поскольку студийные операторы были нам ближе. Мы знали, кто и на что из них способен.

Чем профессиональнее оператор, тем меньше ему надо объяснять задачу. Именно таким был Слава Кочкин. Он пришёл вместе с Юрой Старостиным. В отличие от Юры он не имел лидерских качеств, но как оператор был одарён необычайно.

Выезды на ПТС требовали подготовки: осмотра площадки, расстановки камер, определения источника энергии возможности освещения. А многие передачи

выдавали живьём, то есть прямо в эфир. Режиссёр, сидя в автобусе за пультом и имея перед глазами только картинку с камер, вмешаться непосредственно в ситуацию на площадке никак не мог. И здесь огромную роль играли сами операторы. От их реакции и способности зависел исход дела.

Слава Кочкин не бегал, не сутулится, но всё замечал. Когда требовался необходимый кадр, режиссёр не успевал дать задание операторам (их обычно было 3–4) в наушники, а на камере, за которой стоял Слава, уже появлялся именно тот план, что был нужен. Это значит, Кочкин следил за ходом всей передачи и готовил заранее необходимый по смыслу кадр. Бесценное качество. И такие операторы на вес золота. Я не говорю о качестве изображения – это надёжно на 100 процентов.

Помню непростую для всей телевизионной бригады передачу из совхоза «Октябрьский». В этом передовом хозяйстве произошёл страшный случай. Был убит парень и найден преступник, тоже из этого села. Решили устроить показательный суд. Мы с редактором Людой Бортюк вели цикл передач «Слушается дело». Выехали с ПТС огромной бригадой техников и «творцов», как нас называли в инженерном коллективе.

Дело произошло в Верхней Мазе, но расположились мы в совхозе, поскольку Дом культуры, где должен был проходить суд, находился на его территории. Директор совхоза, известный и заслуженный человек, всегда завоёвывал со своим хозяйством почётные места. И вдруг – такой позор. Встретил он нас гостеприимно, правда, предупредил: «Вы вечером лучше не гуляйте, да и завтра охраняйте свой телеавтобус получше». Неприятно стало после таких слов. На улицах – никого и никаких стражей порядка. Часть техников и водители остались в ПТС ночевать, а остальных разместили в совхозном техникуме. Деревенское старое здание без удобств. Операторы не только оберегали технику, но и нас, женщин, которых было четверо. Сопровождали

повсюду. Напряжённая обстановка лишила нас светлого настроения на работу. Даже мой постоянный оператор и друг Александр Быстров немного нервничал, хотя с ним я всегда была спокойна и за качество отснятого материала, и за свою жизнь. Заботливый, весёлый, энергичный человек, Саша был гарантом того, что всё будет хорошо.

Когда я его спрашивала в наушники: «Саша, ты видишь вон того человека, под зонтом? Сможешь взять?», неизменно слышала успокоительную фразу: «Нам видно всё!»

Передача тогда получилась очень драматичная, поскольку на суде разыгралось несколько сцен, опасных для окружающих. Это ведь была жизнь, а не театр.

Операторы всегда были самым надёжным звеном для режиссёра, а вместе они были соавторами. Только с их помощью можно было создать передачу. Там были исключительно мужчины. Операторскому мастерству требовался не только талант, но и элементарная физическая сила. Камеры были очень тяжёлые. Помню Михаила Тимофеевича, нашего старейшего оператора, который до самой пенсии легко с ними справлялся. Навык – тоже не последнее дело. Ещё он запомнился страстным увлечением фотографией. Михаил Тимофеевич снимал всех и всё во время репетиций. Потом дарил нам эти фото. Не только мы имели огромное количество кадров на память, но и студия собрала колоссальный архив. После его смерти родственники передали эти фото нашему коллективу. Не знаю, сохранились ли они.

Был и Валерий Мельников – добрый, всегда улыбающийся человек. Его можно было просить о чём угодно, и он делал всё, что в его силах, даже не предполагая ответной выгоды. Я это вспомнила после недавней встречи с одним современным оператором на своей родной ГТРК «Волга».

Мне нужно было отснять материал для фильма. Обычно я просила только своих – тех, с кем связывали годы работы. Но в этот раз у героя фильма был знако-

мый, которого я не знала, но рассчитывала, что, как прежде, мне не откажут. С этим оператором я столкнулась в дверях. Не успела не только познакомиться, но и рот открыть, как он закричал: «Я ничего бесплатно снимать не буду».

Этот случай надолго лишил меня вдохновения что-либо делать. Я ведь по старинке творила бесплатно, и монтировать мне помогали тоже бесплатно, но это были люди старой гвардии, для которой деньги не имели ценности большей, чем дружба, профессиональный интерес.

Вспоминаю импозантного Игоря Слосмана. Одним своим элегантным видом он привлекал к съёмочной группе выступающих людей, умел настроить их, успокоить, вызвать улыбку на лице, сделать из них «светом и паром» красавцев и красавиц.

А всегда спокойный Саша Павлов? Рядом с ним выступающие переставали нервничать и верили, что всё будет хорошо. Помню, как однажды мы с ним поехали (уже на ТЖК) снимать в Майну передачу «О коллегах и друзьях». По ходу съёмок заметили, что Саша бледен и еле стоит на ногах. Хорошо, что снимали в больнице. Оказалось, что у него сильная боль в желудке, и он, преодолевая её, продолжает работать. Сделали ему укол, и оператор снова принялся за работу. Ни слова не произнёс. Работа прежде всего. Это было нормой.

Юра Агафонов, Юрий Михайлович Колмаков, Саша Абрамов, Алёша Прохоров, Герман Баранов – это те люди, на которых держалось телевидение. Та старая гвардия, которая никогда не произносила: «Без денег я ничего снимать не буду». Сейчас эта порода людей, как всё ценное в России, потихоньку исчезает.

Диана Шпоркина

*Продолжение читайте
в следующем номере.*